

лом, эпидемиями и т. д., но большую роль играла также ассимиляция с окрестным населением. Крещенные тунгусы обычно переходили из «инородческого звания в крестьянское» и вскоре совершенно растворялись среди русских. О количестве таких переходящих «в крестьяне» в 1825 г. свидетельствует «Ведомость [о инородцах] о числе душ, переходящих из инородческого звания в крестьяне», адресованная в «Экономическое Общество Верхнеудинского округа», где по волостям даются такие цифры:

Мухоршибирской	16
Тарбагатайской	99
Куналейской	46
Урлутской	63
Итанцынской	50
Ильинской	1

Из этих волостей Итанцынская находится как раз по пути со ст. Тауурово в Баргузин и ныне там тунгусов нет совершенно.

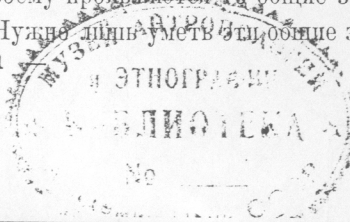
Заканчивая настоящую заметку о баргузинских тунгусах, следует отметить, что изучение архивов прежних родовых управ и степных дум несомненно откроет нам очень многое не только о тунгусах, но и о бурятах и других народностях. Особенно много интересного можно ждать от таких исследований для истории тунгусов, которая нам совершенно неизвестна.

Записки Института Востоковедения АН СССР.
1933. Т. 2. Вып. 2.

Н. Н. ПОПЕ

Вопросы грамматики монгольского языка.

Несмотря на то, что мы насчитываем в настоящее время довольно значительное количество грамматик как языка старой монгольской письменности, так и целого ряда отдельных живых языков и наречий — халха-монгольского, бурят-монгольского языков, хоринского, аларского и др., диалектов последнего и т. д., мы до сих пор не имеем ни одной грамматики, которая удовлетворяла бы нас как с методической, так и методологической стороны. Методика преподавания монгольского языка вообще оставляет желать много лучшего, и в этой области являются еще недостижимым идеалом даже такие учебники западноевропейских языков, которые уже давно сданы в архив. Системы западноевропейских языков иные, чем система монгольского языка, и это, конечно, не только не может не отразиться на построении учебника монгольского языка, но даже должно отразиться на нем. Но обладая своей спецификой, монгольский язык характеризуется и такими явлениями, которые его лишь незначительно отличают хотя бы от тех же западноевропейских языков. Было бы безусловно неверно утверждать, что монгольский язык должен преподаваться и изучаться совершенно иначе, чем многие другие языки. Такая точка зрения, если бы она была кем-нибудь высказана, заслужила бы самый резкий огор уже по той причине, что приняв ее, мы, развивая эту точку зрения до логического конца, были бы вынуждены признать, что по отношению к монгольскому языку должна быть создана своя особая, отдельная методология. Между тем, конечно, это не так. Обладая рядом весьма специфических черт, монгольский язык не представляет собою исключения из языков всего мира: он является точно таким же продуктом исторического развития, как все языки вообще, и в нем по своему проявлению те общие законы, которые действуют во всех языках. Нужно лишь уметь эти общие законы

схватить, правильно сформулировать и учесть то своеобразное, то специфическое, чем характеризуется монгольский язык, установить, как проявляются в нем общие законы развития языка, какие частные специфические случаи они порождают. Мы подходим таким образом к методологической стороне вопроса, которая нас естественно интересует в первую очередь. На некоторых вопросах методологического характера нам и хотелось бы остановиться подробнее.

Когда мы подходим к изучению монгольского языка, мы естественно в первую очередь сталкиваемся с рядом вопросов из области фонетики. Это совершенно неизбежно, так как начнем ли мы грамматику монгольского языка с морфологии или синтаксиса, вне звуков, без звуков или их письменных знаков мы ее изучать не можем. Фонетика монгольского языка очень проста, но ряд трудных моментов все же мы можем отметить. Самыми трудными вопросами являются на наш взгляд вопрос о кратких редуцированных гласных в непервых (т. е. неударенных) слогах и вопрос о слоге. Редуцированные гласные очень беглы, кратки и неясны. Какого они качества, — сплошь да рядом совершенно нельзя установить. Современная орфография выходит из дела очень просто, передавая их только знаками а (после а, у первого слога), о (после о первого слога), е (после е, у первого слога) и ө (после ө первого слога). Таким образом пишут *alta*, *urta*, *modo*, *ege*, *unege*, *öndög*. На самом же деле произносят не *urta*, но скорее *urtu* (точнее *urtü*), не *unege* (но скорее *unug*, точнее *unüg*) и т. д., и как видно, конечных гласных даже не произносят и они отпадают совсем. Когда мы пытаемся дать опыт точного фонетического описания халха-монгольского языка, мы естественно игнорируем правописание, как не соответствующее в этом отношении живому произношению, но с другой стороны мы сплошь да рядом сталкиваемся с чудовищным разнообразием в точных фонетических записях: одно и то же слово раз записано *xudä*, другой раз *xudü*, третий раз просто *xud*. Вместо единой системы наблюдается отсутствие ее, и запись превращается в конце концов в собрание ряда зафиксированных знаками транскрипции индивидуальных произношений, в основе которых лежит, конечно, некое общее, частными обнаружениями которого и являются все эти многообразные формы. Вот уже первый очень трудный и интересный вопрос. Гласные непервых слогов (конечно, лишь краткие) оказываются чрезвычайно нестабильными. Их нестабильность может на первый взгляд произвести впечатление, будто вокализм кратких

неударенных слогов халха-монгольского языка носит совершенно беспорядочный характер. В действительности же это не так. Дело в том, что вокализм непервых кратких слогов в монгольском языке содержит всего три фонемы, а вовсе не множество фонем, как это может показаться при просмотре наших «точных» фонетических записей. Эти три фонемы суть: *u*, *a* и *i*. Из них *i* является очень кратким *i*. Предшествующий ему согласный является всегда несколько более передним (но не палатализованным). Более того, более передним является также гласный предшествующего ему слога, напр., *amä* 'рот' — *amü* 'жизнь' — *allä* 'убей' — *allü* 'который' и т. д. Что касается фонем *u* и *a*, то это гласные лишённые определенной артикуляции, т. е. гласные, в разных положениях реализуемые по разному. В положении после слога с *i* фонема *u* реализуется как краткий *a*, т. е. *ä* или *u*. В этом же положении фонема *a* реализуется как краткий *e*, т. е. *ë* или *a*. В слоге, следующем за слогом с задним гласным мы имеем только фонему *u* (или фонему *i*); в слоге же, следующем за слогом с передним гласным мы имеем *a* (или *i*). Далее, после *a* фонема *u* в отношении своего качества реализуется как гласный, несколько приближающийся к *a* (почему его и передают в транскрипции через *ä* или *u*), а после *u* этот гласный несколько приближается к *u* (в транскрипции *ü*). Таким образом все станет ясным, если мы отныне будем говорить не о множестве гласных фонем непервого слога, но лишь о трех, из коих две, а именно *u* и *a* не имеют определенной артикуляции.

Нестабильность, вернее кажущаяся нестабильность вокализма непервых слогов сказывается даже на самом делении слова на слоги. В качестве примера приведем формы (в точной транскрипции) *t'ämüx* ~ *t'ämüxü* 'табак', *ärüx* ~ *ärüxü* 'водка', *arag* ~ *aragü* 'средство', *xäläg* ~ *xälägü* 'ворота' и т. д. Что мы видим? Оказывается, что сплошь да рядом, является совершенно безразличным, где произвести деление на слоги: *t'ä|müx* или *t'äm|xü*, *a|räg* или *ar|gü* и т. д. Важным является лишь то, что слово в конечном итоге останется двухсложным, а где проходит граница слогов, это роли не играет. Вопрос этот методологически важен, ибо требует особой работы по вопросу о структуре слога, по вопросу о том, что представляет собою слог. Создается в общем такая картина, что сочетания *müx* или *müxü*; *räg* или *rägü* ~ *räg* равнозначущи. Таким образом сочетания *müx* или *müxü* (в *t'ämüx* ~ *t'ämüxü*) не различаются и на смысловой стороне слова это не отражается. Это очень интересный вопрос, поскольку, во-первых, деление

слова на слоги оказывается очень не простым, что действительно сказывается на практике, когда мы в газетах видим такие формы как *kerēgleke* или *kerēgelke* 'пользоваться'. С одной стороны, это отражается на орфографии, с другой — на практике преподавания в национальной школе, когда учащийся становится сам в тупик, когда ему задается вопрос, что такое слог и как делить слова на слоги. А во-вторых, этот вопрос интересен для лингвистов с той точки зрения, что ряд сочетаний вроде *māi ~ mīx*, *lγä ~ lāg* и т. д. уже перестает быть сочетанием звуков и становится каким-то нерасчленимым единством — *mγ*, *lγ* и т. д. со слогообразующим элементом без строго определенного места последнего. Ведь когда мы говорим о сочетаниях звуков, мы различные комбинации их обычно не склонны отождествлять, а здесь мы их должны отождествлять. Если мы станем на точку зрения схоластической грамматики, мы попадаем в такой тупик, из которого нам уже никак не выбраться. Лишь диалектически рассуждая, мы приближаемся к пониманию интересующего нас явления. Дело в том, что комплексы *māi ~ mīx* и т. п. должны рассматриваться как единство противоположностей: они равны и не равны друг другу, они равны в том смысле, что в смысловом отношении они равнозначны, что роль играет и здесь и там лишь элемент *mγ* и, не связанный с определенным местом *i*, и не равны они друг другу в том отношении, что *māi* и *mīx* не однозвучны, и с точки зрения, например, русского языка это две разные вещи. Но в том то и дело, что нужно такие комплексы брать в их единстве, не расчленять их на *m + i + x* и *m + x + i*, не подходить так, как мы подходим к русскому языку. В теоретическом исследовании фонетики монгольского языка мы должны поэтому правильно уметь подходить к специфическим явлениям фонетики и учитывать эту специфику. И мы должны также трактовать этот вопрос и в практическом преподавании языка. Для нас ясно, что из двух вариантов *xālγä ~ xālāg* мы в преподавании орфографии должны отдавать предпочтение первому, мотивируя это тем, что *xālāg* склоняется по той же парадигме, что слова, оканчивающиеся на гласные. Но, отдавая этому варианту предпочтение, мы должны трактовать перед учащимися такие слоги как *māi ~ mīx* как единство противоположности, как нечто единое, что лишь по разному проявляется.

Что касается качества редуцированных гласных непервых слогов, то уже было сказано, что оно очень нестабильно. Когда мы слышим *xudā* или *xudū*, мы знаем, что это одно и то же. Дело здесь, как нам думается, не

в *ā* и не в *ū* второго слова, а в том, что мы здесь имеем двухсложное слово. Важен слог, а не качество его образующего элемента. И так мы и должны подходить к этому вопросу. Такую точку зрения нетрудно развивать в специальных исследованиях, но на практике это может показаться не так просто. Но и здесь мы выходим из затруднения, рекомендуя писать не *kudū*, но *kuda*, мотивируя это тем, что в ряде надежных же форм мы будем иметь долгое, ясно слышимое *a*, напр. *kudaar* (*xudār*). Давая это правило, мы должны здесь же учащемуся разъяснить роль редуцированных гласных, как носителей слога безотносительно к их качеству, которое совершенно индифферентно и нестабильно. На место схоластического учения о звуках схоластической фонетики прежних грамматик монгольского языка, рассматривающей слог как механическое сочетание устанавливаемых ею звуковых единиц — фонем, мы должны выдвинуть диалектическое понимание слога, и установить тождество таких слогов, как *māi ~ mīx* и т. д. Приведенный слог *māi ~ mīx* не единственный пример. Таковы еще:

$r\gamma\sqrt{\sim}r\sqrt{\gamma}:ar\gamma\ddot{a}\sim ar\ddot{a}g$	'средство',
$l\gamma\sqrt{\sim}l\sqrt{\gamma}:x\ddot{a}l\gamma\ddot{a}\sim x\ddot{a}l\ddot{a}g$	'ворота',
$m\gamma\sqrt{\sim}m\sqrt{\gamma}:t'am\gamma\ddot{a}\sim t'am\ddot{a}g$	'печать',
$rx\sqrt{\sim}r\sqrt{x}:xo'c'örx\ddot{o}\sim xoc'ör\ddot{o}x$	'отстать',
$rb\sqrt{\sim}r\sqrt{b}:xerb\ddot{e}\sim xer\ddot{e}b$	'если',
$sx\sqrt{\sim}s\sqrt{x}:t'es\ddot{x}\ddot{e}\sim t'es\ddot{x}e$	'терпеть' т. д.

Как можно с легкостью установить, такими слогами всегда являются слоги, в состав которых входят плавные (*r*, *l*, *m*), или спиранты (*s*, *š*) с последующим слабым смычным (чередующимся с гомоорганым спирантом). И в современном халхаском языке, действительно, совершенно равнозначными являются такие слоги: $r\sqrt{\gamma}|r\gamma\sqrt{\sim}$, $r\sqrt{x}|rx\sqrt{\sim}$ и т. д.

Таким образом, говоря, например, о слоге $r\gamma\sqrt{\sim}$, мы должны помнить, что за этим знаком (напр., *rga*) стоит пара $r\gamma\sqrt{\sim}$ и $r\sqrt{\gamma}$ одинаково равноправных в живом произношении. Поскольку же всякая орфография должна быть единообразной, мы естественно должны выбрать какой-нибудь один способ передачи в письме, и по причине, о которой мы уже говорили, мы склоняемся в пользу сохранения в правописании только варианта с гласным на конце, т. е. превращаем такие слоги в открытые. Но и здесь дело обстоит не просто. Так, например, в противоположность слову *xālāg*, которое мы предлагаем писать *kaalga*, по той причине, что оно склоняется

как слово, оканчивающееся на гласный, мы имеем слово *tarag* 'творог', которое склоняется как слово, оканчивающееся на согласный. Поэтому, если мы пишем *kaalga*, мы должны писать не *targa*, но *tarag*. Практически из этого затруднения можно выйти, предложив правило, согласно которому конечные слоги *rg* $\sqrt{\sim r}$ $\sqrt{g}$ должны в орфографии изображаться как открытые слоги, если слово склоняется по правилам слов, оканчивающихся на гласные, и как закрытые, если слово склоняется по правилам слов, оканчивающихся на согласные.

Оставляя теперь фонетику, мы переходим в морфологию. Этим мы не предпрещаем вопроса, как должна строиться грамматика: должна ли она начинаться с фонетики, переходить затем к морфологии и, наконец, к синтаксису или наоборот, ибо, признаться, мы придаем довольно мало значения порядку, в котором должны следовать эти отделы. На наш взгляд не это существенно, а существеннее гораздо вопрос, как строить фонетику, морфологию и т. д. Чтобы совершенно недвусмысленно определить свою точку зрения на этот счет, мы позволим себе сослаться лишь на Маркса, указавшего в «Нипцете философии», что чем меньше философия занимается действительным историческим движением, действительными экономическими категориями и т. д., тем больше ей приходится обращать внимание на вопрос о порядке этих категорий. Мы далеки конечно от мысли объявить ничемной работу методистов, устанавливающих наиболее целесообразный порядок прохождения грамматик в своих методических руководствах, и признаем, что, конечно, нецелесообразным является прохождение сперва всей фонетики, потом всей морфологии (подряд склонение, спряжение), и мы в своих учебниках давно перешли на систему уроков, в которых на тексте проходятся те части грамматики, которые нужны для разбора текста, так что глагол оказывается сплошь да рядом на первом месте, а существительное в конце, и разные части синтаксиса вводятся в первые же уроки, но мы хотим сказать, что это техническая, внешняя сторона, а мы ставим здесь вопросы методологические.

Итак, переходя к морфологии, мы прежде всего не можем отстранить от себя определение морфологического строя монгольского языка. Известно, вероятно, каждому, кто хотя бы немного знаком с монгольским языком, что это агглютинативный язык. Но это лишь общее определение. Он действительно агглютинативный, если мы возьмем такие формы, как *java* 'иди!', *java-ba* 'шел', *java-na* 'пойдет', *java-dag* 'ходящий' и т. д. Но

возьмем местоимение: *bi* 'я', *minii* 'меня', *nadaas* 'от меня'. Это агглютинация? Нет. Это отличается принципиально от русского *я, меня, мне*? Нет. Или возьмем *modo* 'дерево', *modo-n-ii* 'дерева', *modo-n-do* 'дереву', *modoog* 'деревом' в параллель к *kuuken* 'девочка', *kuuken-ii* 'девочки', *kuuken-de* 'девочке'. Если падежные формы от *kuuken* образуются путем механического присоединения окончаний к *kuuken*, то этого нельзя сказать про *modo*: там процесс более сложный, и мы наблюдаем вставку *n* между основой и рядом окончаний. Если это агглютинация, то осложненная. Таким образом мы в праве утверждать, что в монгольском языке наблюдается пласт агглютинирующий и наряду с ним пласт флективный: здесь рядом уживаются две морфологические системы. Не следует думать, что флективная система совсем новая: уже в древне-литературном языке в склонении местоимений мы имеем флексию, а в остальных именах, в частности в том же слове *modo* (там это *modun*) мы видим простые агглютинации. Монгольский язык еще лишний раз подтверждает, что чистые формы — это фикция, абстракция, не существующая в реальном бытии. И если утверждается, что язык должен быть либо агглютинирующим, либо не агглютинирующим языком, мы возразим, что он и то и другое, и что его морфологическая система представляет собою яркий пример единства противоположностей.

Затронув систему склонения, мы не можем не поставить вопроса, что такое склонение. Какова разница между склонением и образованием новых слов от данного, например, какая разница между склонением слова *вода*, образованием падежных форм *вода* — *воды* — *воде* и т. д. и образованием таких слов как *водичка* — *водица* — *водяной* и т. д. Каждый будет совершенно прав, если он скажет, что образование падежных форм от *вода* есть система форм, выражающих разные отношения того же предмета к другим, притом отношения пространственные. *Вода* остается во всех таких случаях водой, т. е. веществом, химической формулой которого является H_2O , но словообразование от *вода* дает нам уже иное. Здесь не разные только пространственные отношения вещества H_2O к другим, но появление новых понятий: когда мы говорим *водный*, мы имеем дело уже не с предметом, не с веществом, но с качеством, с некоей абстракцией. Это *водный* есть качество какого-то другого предмета, и если *вода* конкретно существует, ее можно пить и ею мыться, то *водный* отдельного, самостоятельного существования не имеет, являясь лишь качеством, абстрагированным от целого ряда предметов. И далее, склонение, если мы от философских рассуждений

перейдем к формальной грамматике, с формальной стороны резко отличается от словообразования. Говоря о формальной грамматике, мы должны здесь же сделать следующего рода оговорку: мы вовсе не имеем здесь в виду грамматику формалистическую, грамматику формальной школы в языкознании, ибо всякая грамматика есть формальная, так как вне форм мы себе не мыслим грамматики, поскольку вне формы нет и содержания. Подставив на место термина *грамматика* термин *формальная грамматика*, мы просто хотим оттенить, что будем говорить здесь о внешней стороне, о формах. Итак, с формальной стороны склонение представляет собою нечто резко отличное от того, что мы назовем не склонением. Как уже сказано, склонение есть система форм, выражающих разные пространственные отношения все того же самого предмета, т. е. *вода — воде — воду* и т. д. Но сюда не входят *в воде, на воде*, хотя такие сочетания тоже выражают разные пространственные отношения. В противоположность ряду *вода — воде — воды*, ряд *в воде, на воде* и т. д. — уже сочетания. Здесь нам приходится уже прибегать к внешней формальной стороне. В монгольском языке это деление мы можем легко произвести, поскольку в таких сочетаниях мы не будем наблюдать сингармонизма в гласных сочетающихся элементов, ср. *ger deere* 'на юрте', *tologoi deere* 'на голове' и т. д. Что же касается различия склонения и словообразования, то с формальной стороны они тоже довольно резко отличаются друг от друга, поскольку формы, являющиеся результатом склонения (т. е. словопзмещения) дальше не изменяются, а формы, являющиеся результатом словообразования, дальше склоняются, т. е. изменяются.

Переходя к монгольскому языку, нужно заметить, что границы между склонением и несклонением (краткости ради введем этот очень неопределенный термин) не так ясны. Прежде всего, если мы возьмем такие формы и сочетания письменного языка, как *γar ece* 'из руки', *γar degere* 'на руке', *γar dotura ece* 'внутри руки', то к склонению относят из этих форм лишь *γar ece*. В современном языке мы находим критерии: прежде всего в этом аблативе мы наблюдаем последовательно проведенную гармонию гласных (*garās*), кроме того, ударения на себе это *ās* не имеет, в то время как в *gar do't'ör* последнее слово имеет свое ударение на первом слоге. Это просто, и трудность не в этом, а в другом. Дело в том, что падежи склоняемы дальше. Грань между склонением и словообразованием таким образом стирается. Так, например, от *aaba* 'отец' мы имеем родительный падеж

aabiin 'отца', а отсюда местный падеж *aabiinda* 'у отца', 'в доме у отца' и т. д. Таким образом ряд падежных форм обнаруживает тенденцию стать самостоятельными словами. Это понятно, ибо склонение, являющееся системой образования форм, выражающих лишь разные пространственные отношения все того же предмета к другим предметам, в себе содержит элементы противоречия, ибо разные отношения в конце концов изменяют и само существо дела. Ведь когда я говорю *отец пришел* и *дом отца далеко*, отец остается отцом, но в то же время, когда мы говорим *отец пришел*, мы сообщаем о совершенно конкретном факте, о конкретном, наличествующем уже здесь отце, в то время, как во фразе *дом отца сгорел* и т. п. отец до известной степени становится качеством (качеством дома), причем отец этот может быть уже умер давно и т. д. Такие сочетания — *дал отцу — дом отца* и т. д. неравноценны друг другу не только потому, что мы имеем здесь дело с разными отношениями того же самого — это был бы слишком упрощенный подход, механический подход — но и по той причине, что понятия предмета в разных отношениях обнаруживают нам переход понятия предмета в понятие качества: *отца — отцовский*.

Таким образом резкой грани между склонением и словообразованием в монгольском языке нет, поскольку 1) «косвенные падежи» функционируют часто как субъект предложения, ср. *manā mēñe* 'нас (= 'наш', 'мы') знаем', 2) падежные формы допускают дальнейшее склонение. И это особенно интересно. Такие падежные формы не только становятся формами со значением уже не предмета, а качества, но образуют дальнейшие падежные формы, выражающие новое отношение с сохранением в снятом виде предшествующего. Такова форма locativ'a, от которой дальше образован ablativus, напр., *ger'tēs* (письм. *ger'te ece*) 'из юрты'. Понятно, что для того, чтобы выйти из дому, нужно перед этим быть в доме, и соответствующая форма монгольского языка нам и дает прежнее отношение и новое: *ger'te* 'в юрте', *gerees* 'из юрты', *ger'tees* 'из юрты'. На эту сторону монгольского склонения до сих пор не было обращено должного внимания, и диалектический характер языка нам впервые приходится здесь иллюстрировать. Резюмируя, мы можем сказать, что склонение есть в монгольском языке система форм, выражающих различные пространственные отношения предметов, обнаруживающих (т. е. форм) переход в формы с новым содержанием, допускающих дальнейшее образование падежных же форм, в результате

чего появляются сложные падежные формы, выражающие новое отношение с сохранением в снятом виде предшествующего отношения.

Не менее ярко можно проиллюстрировать основные законы диалектики и на категории множественного числа. И здесь, если мы обратимся к схоластической грамматике, мы увидим, что тому, что эти грамматики называют множественным числом, они навязывают какие-то неизменные постоянные значения. Множественное число есть множественное число и больше ничего, между тем как такие формы сплошь да рядом функционируют в значении единственного числа и вместо множественности, т. е. иного количества, нам дают то же единственное число, но видоизменяют его качество, создавая слова, выражающие понятия не иного количества, чем простой *singularis*, но новые качества. Другими словами, количество как бы переходит здесь в качество. Но остановимся на этом вопросе подробнее. Известно, что среди формантов образования множественного числа в письменном монгольском языке наблюдаются суффиксы *-nar*, *-s* и *-d*. Из этих суффиксов *-nar*, как правильно утверждают наши грамматики, принимается исключительно такими именами, которые обозначают разумные существа, т. е. людей и притом в более старом письменном языке, такими, основы которых оканчиваются на гласные. Попутно заметим, что и разумные существа далеко не все во множественном числе обозначаются формами на *-nar*. Так, например, мы не встречаем от *ere* 'мужчина' формы мн. ч. *ereger* от *eme* 'женщина' — *emener*, от *esige* 'отец' — *esigener* и т. д. Классическими же примерами образования форм на *-nar* являются излюбленные грамматиками формы *aqanar* 'старшие братья' от *aga*, *degüüner* 'младшие братья' от *degüi*, *lamanar* 'ламы' от *lama* и т. д.

Совершенно то же самое наблюдается и в живых монгольских языках — в халхаском, бурятском, калмыцком и т. д. Даже сильно отличающийся от остальных монгольских языков дагурский не представляет собою в этом отношении исключения.

Обращаясь к подробному рассмотрению этого суффикса в монгольском языке, можно заметить, что поражает то обстоятельство, что далеко не все относящиеся к категории разумных существ имена могут образовать форму множественного числа с этим суффиксом, между тем как остальные суффиксы множественного числа образуют эти формы почти без исключений от всех соответствующих имен. В чем здесь дело? Нетрудно заметить, что множественное число на *-nar* образуют лишь такие имена, формы множе-

ственного числа которых имеют вовсе не значение простого множественного числа, но значение коллектива или группы, вовсе не являющейся простой суммой отдельных лиц. В самом деле, что означают такие формы, как *aqanar*, *degüüner*, и *lamanar*? Прежде всего необходимо отметить, что перевод *aqanar* и *degüüner* 'старшие братья' и 'младшие братья' является не совсем точным: *aga* вовсе не 'старший брат', но просто 'старший', 'каждый, кто старше меня' (в частности 'старший брат'), а *degüi* 'младший', 'каждый, кто моложе меня' (в том числе и 'младший брат'). Часто можно услышать в Халхе фразу *t'a naqās axxā wāqn* 'вы старше меня'. Таким образом *aqanar* означает 'старшие', служит для обозначения всей группы старших, а *degüüner* — 'младшие'. Нам представляется, что это вовсе не обычные формы множественного числа, но формы, выражающие понятие всего, что есть старшего и его противоположности, т. е. коллективные понятия. Эти *aqanar* и *degüüner* означают приблизительно то же самое, что наши *старшие* и *младшие*, например, в таком сочетании, как «младшие должны слушаться старших», с каковой фразой мы сплошь да рядом обращаемся к одному слушателю, который моложе нас. И дело здесь вовсе не в том, что старшие или младшие обозначают действительное множество: здесь мы имеем дело не с понятием, скажем, десяти или ста старших и младших, но с коллективным понятием или с общим, что пожалуй вернее. Точно так же и *lamanar* означает 'ламы' не в смысле десяти, двадцати или ста лам, но ламство, т. е. всю категорию лиц, которых мы можем объединить под этим общим названием. Не удивительно поэтому, если в современной политической и антирелигиозной прессе мы встречаем в таких сочетаниях как *борьба с ламством*, *борьба с ламами*, *эксплоатация ламами* (resp. *ламством*) *трудящихся* и т. п. форму *lamanar*.

Что это так, что формы на *-nar* вовсе не являются обычными формами множественного числа, можно доказать, еще тем, что *-nar* может приниматься именами собственными и обозначает тогда весь коллектив людей, имеющих отношение к данному имени собственному: форма *-nar* означает в таких случаях, скажем не Унгерны, Колчаки и т. д., но унгерновцы, колчаковцы и т. п. Ср. например, такую фразу, взятую наугад из романа из истории гражданской войны в Монголии *Tolbo naγur* 'Озеро Толбо', как *tende-ece Qasbayatur-nar keregün ucir-a ende tende saγuγsaγar* 'тем временем, как хасбаторовцы проживали по делу здесь и там...'. Хасбатор — имя собственное, имя одного из героев гражданской войны, и форма на *-nar*

обозначает не множество хасбаторов, который существовал ведь лишь в единственном числе, но всех его людей, всех его спутников.

Из слов, допускающих образование форм на *-nar*, кроме всех имен собственных, *aga* 'старший', *degüi* 'младший', *lama* 'лама', можно привести еще *tengriner* 'небожители, боги', *šabinar* 'ученики', специально 'духовные ученики', *bašinar* 'наставники', в разговорном халхаском языке эти же и *ḥōnōr* 'шаманы', *t'ānār* 'вы' (в обращении к многим лицам в противоположность *t'ā* в обращении на вы к одному лицу), *ḥiddēnēr* 'мы'. В языке современной политической прессы мы находим *prolitarnar* 'пролетарии' (resp. 'пролетариат') и т. д.

Образуя такие формы, которые служат для коллективного обозначения целых социальных групп, т. е. общие понятия — пролетариат, ламство, ученичество, учительство (духовное) и используемые по культовой линии — боги, суффикс *-nar* принимается обычно такими именами, которые обозначают лиц, социально выше стоящих. Отсюда, напр., и употребление формы *t'ānār* 'вы' в вежливом обращении у хори-бурят в противоположность к *t'ānāt* или *t'ānūs*, которые могут переводиться как 'эй, вы там' (см. А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. I, стр. XLVII).

Мы подходим таким образом к конечному выводу, что суффикс *-nar* лишь с известной оговоркой может считаться суффиксом образования множественного числа: вернее он образует формы, обозначающие общие понятия целых социальных групп и притом преимущественно социальных групп, выше стоящих. С полной очевидностью вскрывается здесь классовый характер этого суффикса.

Продолжая рассмотрение этого суффикса, мы не можем не заметить еще того, что он прекрасно иллюстрирует нам закон перехода количества в качество. В этом весьма ярко проявляется диалектика языка, на которую не было обращено внимания в прошлом. В самом деле, мы можем установить, что формы на *-nar* вовсе не являются обычными множественными числами, и образуемые ими формы часто совершенно не имеют значения обыкновенного множества тех предметов, вернее лиц, к грамматическим формам единственного числа которых присоединяется этот суффикс. Возьмем слово *eke* 'мать', халх. *ēxḥē* 'мать' — с суффиксом *-nar* это слово не имеет никогда значения 'матери', но только 'женщина' и притом одна женщина, ср. халх. *ēxḥēnēr* 'женщина'. Количество переходит в качество, показатель, формант, образующий коллективные формы, здесь служит для образования формы,

имеющей исключительно значение единственного числа, но с другим содержанием. Формы на *-nar* являются таким образом единством противоположностей (коллектив — индивид, общее — частное) с переходом количества в качество (мать — коллектив матерей, материнство — женщина), и формант этот служит не только для образования форм, обозначающих какое-то множество, коллективность, но также форм с иным качественным содержанием.

В связи с предыдущим возникает вопрос, как же передается понятие 'матери', т. е. множество матерей, например, в таких случаях, когда мы видим перед собою нескольких матерей и не имеем в виду материнства, категории матерей вообще, безотносительно к их количеству. В таких случаях употребляется суффикс *-s*, напр., *eke* 'мать' — *ekes* 'матери', *yeke* 'большой' — *yekes* 'большие', *ere* 'мужчина' — *eres* 'мужчины', также *aqas* 'старшие братья' (но *degüüs* 'младшие братья' не употребительно), *eme* 'женщина' — *emes* 'женщины' и т. д. В общем, можно утверждать, что те формы «единственного числа», от которых возможно образование форм на *-nar*, обозначающих социальные группы, образуют обычное множественное число на *-s*, ср. *eke* 'мать' — *ekener* 'женщина' — *ekes* 'матери', *aga* 'старший' — *aganar* 'старшие' — *aqas* 'старшие братья'. При этом можно заметить, что показатель *-s* является лишь, как правило, количественным показателем и не образует форм с иным содержанием, чем единственное число, *eke* 'мать' — *ekes* 'матери'. Но мы можем установить лишь законы, действительные, скажем, для большинства случаев, но не покрывающие всех случаев. Действительно, если мы возьмем напр., такое слово, как *ere* 'мужчина', формой множественного числа которого будет *eres* 'мужчины', мы и здесь сможем наблюдать переход количества в качество и появление формы с иным качественным содержанием. Дело в том, что *eres* в языке современной прессы имеет исключительно значение 'решительный, решительно', напр., в сочетании *eres lasu-ber* 'решительно', 'решимостью', 'категорически' и имеет это значение также в более старой литературе. Формант множественного числа, каким он является в большинстве случаев, *-s* образует между прочим и именные основы с новым значением. Формант этот точно так же служит для образования основ со значением социальной группы, притом являющихся единством противоположностей — коллектив и единичная личность, ср. например, *ere* 'мужчина' — *eres* 'мужчины', 'решительный', 'категоричный' и 'мужик', а также 'герой', 'витазь'. Неудивительно, если от *eres* со значением 'герой', когда идет речь о героях,

вitiesях, образуется еще раз форма множественного числа на *-ūd*, ср. *eresūd* 'герои', халх. *ersūt* 'герои', являющаяся формой двойного множественного числа.

Суффиксу *-s* в бурятском языке соответствует *-d ~ -t*. Это закономерное соответствие конечному *-s* халхаского языка, ср. еще халх., *ullūs* 'народ' — бур. *ulāt* 'народ', халх. *bos* 'вставай!' — бур. *boḍ* 'вставай!' и т. д. Но и в письменном монгольском языке и в халхаском наблюдается суффикс *-d* тоже. В халхаском языке он принимается лишь основами, оканчивающимися на *n*, напр. *xāḍ* 'ханы' от *xā* (основа *xān-*) 'хан', *nojīt* 'князья' от *nojī* (основа *nojīn-*) 'князь' и т. д. В письменном языке он употребляется так же, как в халхаском, но, как показал Б. Я. Владимирцов, также принимается основами, оканчивающимися на гласные («Об одном окончании множественного числа в монгольском языке». ДАН-В, 1926, стр. 61 и сл.). Кроме того, суффикс этот принимается двухсложными и многосложными основами, оканчивающимися на *r*, правда немногими, обозначающими тоже преимущественно существа разумные, напр. *nōkūr* 'товарищ' — *nōkūd* 'товарищи', *čidkūr* 'чорт' — *čidkūd* 'черти' и т. д.

Суффикс *-d* мы находим поэтому без особого удивления в составе племенных названий *oyirad*, *buriyad*, *ekirid* (ср. у Рашид-ад дина *ekiris*), *barḡad*, *bulaḡad* и т. д. Суффиксы *-s* и *-d* принимаются основами, обозначающими разные социальные категории.

И суффикс *-d* так же как *-s* и *-nar* служит тоже прекрасной иллюстрацией диалектики монгольского языка. Суффикс *-d* вовсе не всегда образует множественное число, но служит также для образования новых основ с другими значениями и притом обозначающих не множество, но единичность. Ср. напр., халх. *xūxē* 'ребенок', 'девочка', преимущественно единичность. Ср. напр., халх. *keūken* 'ребенок', 'девочка': множественное число в халхаском от *xūxē* — *xūxēt* имеет уже значение не 'девочки', но 'мальчик' и притом один мальчик. Опять переход количества в качество. Но как же образовать тогда 'девочки'? В халхаском мы для этого имеем форму *xūxēnūt* с формантом *-ūt*. А как будет 'мальчики'? Ответ — *xūxēdūt* 'мальчики', 'ребята' с тем же формантом, но от *xūxēt*, где мы имеем занимающий нас формант *-d*.

Мы видели, что форманты *-nar*, *-s* и *-d* служат не столько для образования обычных форм множественного числа, сколько для образования общих понятий наименований различных социальных групп. При этом на примере

t'anār вы (вежливо) и *t'anūt* или *t'anūs* 'вы' (грубо) мы можем установить, что *-nar* употребляется преимущественно в отношении лиц, социальных групп, стоящих выше и окруженных некоторым ореолом почтительности. В противоположность этому *-d* и *-s* употребляется иногда в отношении лиц, к которым относятся с пренебрежением. Язык диалектичен, и мы не можем поэтому предполагать, что форманты всегда так употреблялись: ничего нет, что было или будет всегда. Но если согласиться с тем, что *-nar* является формантом основ, обозначающих более высоко стоящие социальные группы, а *-s* и *-d* представляют собою обратное, то это может являться пережитком одной из стадий развития языка, когда эти форманты действительно так употреблялись. Но преимущественным употреблением этих формантов дело не исчерпывается, и в единичных случаях они функционируют одинаково, что является пережитком другой стадии.

Спрашивается теперь: существуют ли в монгольском языке такие форманты множественного числа, которые употреблялись бы совершенно безразлично в вышеуказанных отношениях. Есть — это *-ud* принимаемое основами, оканчивающимися на согласные, напр., *bulaḡ* 'родник' — *bulaḡud* 'родники' и т. д. и *-nuḡud* принимаемое любыми основами, даже теми, которые принимают *-nar*, *-s* и *-d*. Эти форманты уже не носят такого ярко выраженного, скажем, классового характера и могут употребляться безразлично.

Остается сказать еще несколько слов о двойных показателях множественного числа.

Из вышеизложенного явствует, что формы с показателями множественного числа *-nar*, *-s*, *-d* отнюдь не имеют значения исключительно множественного числа: *ekener* означает 'женщина', *eres* 'мужественный', 'решительный', *keūked* 'мальчик'. Все это формы по значению единственного числа, и только схоластическая грамматика может их рассматривать как формы лишь множественного числа. Верно, конечно, что вообще-то формы на *-d* или *-s* образуют pluralia, ср. *modud* 'деревья', *emes* 'женщины', но это дела не меняет, и мы можем лишь констатировать, что форманты эти являются не только формантами множественного числа, но и словообразующими. С одной стороны, они являются показателями количества, множественности предметов, с другой же они образуют основы с новыми значениями, иногда образуя коллективные имена, т. е. имена, обозначающие коллективы, группы, иногда же даже единичные предметы. И поскольку они функцио-

нируют уже как словообразующие суффиксы, не является удивительным, что такие формально *pluralia* могут еще раз образовать множественное число. В самом деле, какой же это *pluralis sayid* 'министр', а теперь 'комиссар'? Он только формально может рассматриваться как таковой, являясь формой с суффиксом *-d* от основы *sayin* 'хороший' (образовано совершенно как *morin* 'лошадь' — *morid* 'лошади'). Или далее, разве может считаться множественным числом *arad* 'арат', 'трудящийся', прежде 'даник феодала, подданный'? И что любопытнее всего к *arad* мы даже не имеем сейчас формального единственного числа и лишь в старом языке мы находим *haran* 'простолюдин'. Таким образом еще раз подчеркиваем, что так называемые форманты множественного числа *-d* и *-s* являются прежде всего не суффиксами множественного числа, но формантами образования основ, выражающих общие понятия, обозначающих группы, коллективы и притом преимущественно социальные группы. Отсюда единичные, отдельные индивиды, входящие в эти социальные группы, тоже обозначаются этими же формами. И еще одно замечание: можно предполагать, что обозначение единичных, отдельных индивидов этими же формами, как появление самих основ формального единственного числа, параллельных к этим формальным множественным числам, представляет собою явление вторичное, позднейшее. Первоначально мы имели вероятно слова, обозначающие целые коллективы, и впоследствии лишь установились формы со значением единичности, отдельности.

Вышеизложенное и выясненный характер форм на *-nar*, *-d*, *-s* нам помогает выяснить также сущность такого явления, как двойное множественное число. Действительно, от *kenet* мы имеем множественное число *ekencüd* 'женщины', от *eres* — *eresüd* 'мужья', от *lamanar* — *lamanarud* 'ламы' и т. д. Таким же образом мы имеем в халхаском *xā* — *xād* 'ханы' и *xādūt* 'ханы', к бур. *mor'ōy* 'лошадь' — *mor'ōt* 'лошади' и *mor'ōdūt* или *mor'ōhūt* (с обычным чередованием *d ~ h* между гласными) 'лошади' и т. д. По существу, эти «двойные» множественные числа (с двумя формантами) объясняются просто: второй формант является действительно формантом множественного числа, первый же формантом образования основ со значением коллектива и его противоположности индивида. Только путаница, внесенная в это дело схоластической грамматикой, стремящейся к установлению абсолютных законов и не видящей, что эти формы диалектичны, что они движутся по законам диалектики, являясь единствами противоположности, обнаруживая

постоянный переход количества в качество и обратно, не давала нам разобратся в этом интереснейшем вопросе.

Вышеразобранные форманты являются наследием прошлых состояний языка. Характер их как формантов основ со значением социальных групп, причем один из формантов, а именно *-nar*, преимущественно использовался в одном из прошлых состояний языка для обозначения социальной группы вышестоящей, а другой *-d* или *-s* обозначал группу ниже стоящую (ср. *t'anūs* 'эй, вы, там'), все же выступает еще достаточно отчетливо. Но язык подвижен и следует за всеми движениями социальной среды. Одна стадия развития сменяется другой, не бесследно однако, но продолжая существовать в снятом виде. Появляются факты, как бы противоречащие тому, что было раньше, но противоречия эти естественны и нам понятны. Форманты эти утрачивают постепенно свою первоначальную роль и начинают использоваться безразлично. Особенно ярко выступает эта утрата первоначальной роли в эпохи бурного развития языка, какую мы наблюдаем теперь в условиях ликвидации феодальных отношений в Монголии. В краткой статье, посвященной очень узкому и специальному вопросу, не место распространяться о тех колоссальных переменах, которые испытывает теперь современный монгольский язык. В самом деле, то, что раньше означало 'гнездо', теперь значит 'ячейка', значение слова *nam* 'однородность', 'сообщество' сменилось значением 'партия', и весь вообще семантический багаж старого монгольского языка вылетел за борт тонущего корабля феодализма в океан революционной современности, вливающей в язык новое классовое содержание. И если раньше, обращаясь вежливо, желая быть учтивым и соблюсти хороший тон, к лицу высшего монгольского общества, мы спрашивали его о том, как оно себя чувствует, хорошо ли почивало и т. д. с выражениями *t'anū laqšī sānū* и т. п., то теперь это же обращение к современному арату, вызывает у него хохот, ибо ему кажется очень забавным, что с ним обращаются как с прежним феодалом или ламой. И морфология меняется. Выше разобранные форманты начинают использоваться безразлично, как обычные показатели множественного числа. Так, например, от *kūmūn* 'человек' мы в новой письменности, в языке современной прессы находим неправильную с точки зрения грамматики старого языка форму *kūmūs* 'люди', от *qotūna* 'коммуна' — *qotūnanar* 'коммуны', что вопреки всем правилам языка феодальной эпохи, когда *-nar* употреблялось лишь при словах, обозначающих разумные существа.

Мы хотели бы ограничиться в настоящей статье затронутыми вопросами грамматики монгольского языка. Задачей этой статьи было показать, как должны трактоваться некоторые вопросы грамматики монгольского языка на основе методологии материалистической диалектики. Но конечно, круг вопросов не исчерпан. Было бы странно думать, что диалектику обнаруживает лишь склонение, а спряжение не подчиняется ее законам и может быть лучше всего рассматриваемо с точки зрения формальной логики. Конечно это не так. Но вдаваясь в дальнейшие изыскания в этой области, мы рискуем написать целую грамматику. Это в нашу задачу не входит. Сказанного, кажется, достаточно для того, чтобы составить себе более или менее ясное представление о том, как может и должна строиться грамматика монгольского языка на основе метода материалистической диалектики. Граматику не делает материалистической выворачивание ее наизнанку и превращение страницы с одной прежней грамматики в первую, а первой в тридцатую, не в замене терминов склонение, спряжение и т. д. новыми, искусственными, но в том, чтобы диалектику языка правильно отразить в исследовании, в учебнике, понять эту диалектику и схватить ее.

Проф. ФИТРАТ

Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии

(С персидского перевел Ф. Б. Ростопчин)

Официальная дворцовая история возникавших в средней Азии в различные эпохи и в разных местах государств насчитывает большое количество источников и документов.

В первую очередь следует отметить такие источники, как *Табарӣ* и *Ибн ал-Асӣр*, «Джәмӣ'ат-тавәрийх» *Рашидӣ*, «Джихән-кушай» *Джувайнӣ*, *Вассаф*, «Раудат ас-сафә», «Матла'ас-са'дайн», «Бахр ал-асрәр», «'Абд-аллах-намә», «'Убайдаллах-намә», «Раҳим-хәнӣ», «Муқим-хәнӣ» и др., содержащие порой ряд чрезвычайно ценных сведений о дворцовой жизни в среднеазиатских государствах и биографии их правителей.

Большинство ученых-современников, оставивших письменные документы по истории Средней Азии, обращалось к указанным выше источникам. Однако, все появлявшиеся и вновь появляющиеся научные исследования, опирающиеся на приведенные источники, хотя и достигают порой большого совершенства с фактической стороны, сильно страдают отсутствием анализа движущих сил и причин описываемых событий. Как известно, политическая форма того или иного общества определяется его экономической и социально-классовой структурой. Между тем, в вышеприведенных источниках отсутствует всякая попытка такого анализа. *Рашидӣ*, *Джувайнӣ*, *Вассаф*, «*Абд ар-Раззак*» и др. не пытаются вырваться из ограниченного круга дворцов своих повелителей и проникнуть в толщу народных масс с целью, по мере сил и возможностей, отобразить в своих сочинениях их социальное бытие.

Марксистско-ленинская историческая наука придает большое значение таким документам, которые отражают экономическую и социально-классовую структуру тех или иных стран и народов, самым решительным обра-